

ШТУРМ И ОБОРОНА ОЧАКОВА В 1737 году. (Из «Записок о России генерала Манштейна»)

Манштейн Христофор-Герман

Учитывая содержательную направленность данного журнального выпуска редакция считает целесообразным воспроизвести фрагмент из мемуаров Христофора-Германа Манштейна, непосредственного участника русско-турецкой войны 1736-39 годов, в 1739 году – адъютанта фельдмаршала Миниха. В тексте рассказывается о штурме и обороне города Очакова, а также о вспомогательной роли Днепровской и Азовской флотилий, остатки которой в наше время исследуются Институтом подводных исследований.

Ключевые слова: *русско-турецкая война 1736-39 годов, штурм Очакова, Христофор-Герман Манштейн, Бурхард Кристоф Миних.*

Поход 1737 г., во время которого русская армия взяла Очаков, был самый убийственный во всю войну относительно понесенных русскими потерь. Фельдмаршал [Миних] возвратился из Петербурга в конце февраля, а по прибытии в свою главную квартиру в Киев он докончил приготовления к походу. В половине марта по полкам отдан приказ – быть в готовности выступить в поход через 24 часа после получения о том известия. В начале апреля вся армия вышла из своих квартир. Пехоту посадили на большие суда и спустили по Днепру до Переволочной, где ее разместили на постой в селах и деревнях, так как трава еще не показывалась. (Тут, близ Переволочной, переправлялся через Днепр шведский король Карл XII после несчастной для него Полтавской битвы). В конце апреля армия выступила в поход. Переправа ее через Днепр происходила в трех местах: дивизия генерал-аншефа Румянцева – у Кременчуга, дивизия генерал-поручика Леонтьева – у Орлика, а третья дивизия, принца Гессен-Гомбургского, – у Переволочной; последняя переправа происходила по плавучему мосту в 503 туаза длины, для устройства которого потребовалось 128 судов.

6 мая вся армия была переправлена; в тот же день в лагерь прибыли 3 гвардейских пехотных батальона и 300 человек конной гвардии. К армии примкнул также принц Антон-Ульрих Брауншвейгский, чтобы участвовать в кампании волонтером. 12 мая армия выступила далее, а 3 июня все дивизии

соединились в одном лагере на реке Омельник. Армия состояла из 63 батальонов пехоты, 2 эскадронов конной гвардии, одного эскадрона кирасирского графа Миниха полка, из 29 полков или 145 эскадронов драгун. Артиллерийский и инженерный корпус состоял из 3000 человек; легкая кавалерия: 1500 гусар и до 13000 казаков всякого рода, так что во всей армии считалось от 60 до 70 тысяч человек. В артиллерийском обозе было: 62 тяжелые орудия 18-и 24-фунтового калибра, 11 мортир, 16 гаубиц, 175 полевых орудий 3- и 12-фунтового калибра и 392 небольшие мортиры для 6-фунтовых гранат.

Генералы, находившиеся под начальством фельдмаршала Миниха, были: принц Гессен-Гомбургский, генерал фельдцейхмейстер; генерал-аншеф Румянцев; генерал-поручики Леонтьев, Кейт, Карл Бирон и Левендаль; генерал-майоры Тараканов, Магнус Бирон, князь Василий Репнин, Штофельн, Бахметев, Аракчеев и Густав Бирон, командовавший тремя гвардейскими батальонами. Эта армия шла несколькими колоннами до реки Буг, держась, сколько было возможно, течения Днепра.

25 июня армия пришла к Бугу; 26-го начали строить три моста: из них один понтонный, а прочие два с помощью бочек. Армия употребила на переправу три дня и исполнила ее без малейшей помехи со стороны неприятеля. Последний еще не собрался вполне у Бендер, пункта соединения всех частей его войска, да и не мог ожидать такого быстрого появления русской армии.

Прежде нежели армия отошла от Буга, к ней присоединились волонтерами несколько иностранных офицеров; подошел также обоз из 28000 телег с припасами и приведены 2000 верблюдов. Последних роздали по всем полкам, так что на каждую роту приходилось по два верблюда. На них навьючили палатки.

2 июля армия удалилась с Буга и, пройдя 1 лье, пришла к речке Сухая Чертала. В этот поход армия в первый раз шла в каре. Так как она была многочисленнее прошлогодней и обоз ее был гораздо больше, то ее разделили на три каре, шедших таким образом, чтобы они могли помогать друг другу.

3-го числа армия прошла 17 верст, или 4 лье, до реки Мертвые Воды. Пришлось проходить ущелья, так что одна часть обоза и припасов с аррьергардом могли прибыть в лагерь только 4-го числа; а что всего было обременительнее в этом переходе, так это совершенный недостаток в воде на всем пространстве от Черталы до Мертвых Вод; целые сутки скот не был напоен, только люди были снабжены водою, так как им приказано было налить свои фляжки и бочки. До сих пор армия не сходила с дороги в Бендеры с целью ввести в заблуждение неприятеля и заставить его отвлечь часть войска от Очакова. Между тем фельдмаршал узнал, что турки, не вдаваясь в обман, высылали в подкрепление тамошнего гарнизона значительную часть своего лучшего войска. Это побудило его поспешить походом туда, пока неприятель не успел там еще более укрепиться или, пожалуй, привести всю свою армию. Для облегчения похода тяжелый обоз, подвижной магазин с припасами и часть тяжелой артиллерии оставлены позади под начальством генерал-поручика

Леонтьева и генерал-майора Тараканова, которым ведено следовать за армией небольшими переходами.

6-го числа армия прошла с лишком 5 лье и расположилась лагерем на Буге. Высланные к стороне Бендер и Очакова команды донесли, что они видели несколько передовых караулов по очаковской дороге, которые, однако, скрылись, завидев русских, и не выжидали, чтобы их настигли.

7-го числа армия шла берегом реки вниз по течению ее, но встретив холмистую местность, могла пройти не более 3 лье. 8-го числа армия прошла не больше того по причине холмов и переправы через речку Ятицкую. Вдали показался неприятельский авангард, который, однако, не смел ничего предпринять и удалялся, как скоро легкие войска подходили для атаки.

9-го числа армия рано утром выступила в поход и только в позднюю ночь пришла к реке Янчикзай, прошедши около 7 лье. Местность была довольно ровная, но зато ни капли воды от одного лагеря до другого. Партия донских казаков напала на передовой неприятельский пост и взяла в плен трех конных азиатцев рехлеис. Они объяснили, что их послали из Очакова высмотреть направление русской армии, что гарнизон крепости состоит из 15000 человек, но поджидают еще сегодня или завтра подкрепления с суши и с моря; что для приведения в исправность укреплений Очакова работали целый год, что крепость снабжена сотней пушек и мортир; что в гавани стоят 18 галер и несколько транспортных судов. Далее, что начато было исправление и кинбурнских укреплений, разрушенных в прошлом году генералом Леонтьевым, но когда пришло известие, что русская армия выступила в поход, то землекопов вызвали оттуда. Пленные прибавили, что стоявшие под Очаковым буджакские татары бежали, несмотря на увещание их султана. Они оставили его и возвратились восвояси. Неприятель сжег всю траву, начиная от реки Янчикзай до Очакова и на 4 лье кругом, чтобы лишить русских фуража.

10-го числа армия выступила в поход на рассвете. Находясь уже в 3 лье от Очакова, она завидела неприятельские передовые посты. Казаки схватились с ними, те мужественно отбивались, и стычка вышла горячая. Казаки принуждены были отступить. К ним на помощь прискакал гусарский полковник Стоянов со своим полком, но так как неприятели непрестанно получали подкрепления из города и готовы были окружить легкое войско, то отрядили драгунский полк и два пехотных полка с несколькими орудиями, после чего неприятель был принужден отступить. Взято несколько людей в плен, между прочим 4 офицера, которые объяснили, что они только накануне прибыли в Очаков с 7000 отборного войска, состоящего из босняков и арнаутов, так что в гарнизоне считалось до 20000 человек. Из них 5 000 лучшей конницы вышли против русских легких войск. Продолжавшаяся около четырех часов стычка стоила русским 10 гусар и 15 казаков; неприятель же потерял более 100 человек убитыми, ранеными и пленными.

Армия подошла к Очакову на пушечный выстрел, где кое-как расположилась лагерем уже при наступлении ночи. Она увидела горевшее предместье, зажженное по приказанию коменданта.

11-го числа, утром, армия перенесла свой лагерь на местность между лиманом (так называют устье Днепра) и Черным морем. Фельдмаршал держал большой военный совет, и было решено атаковать город со всевозможной силой до прибытия новых ожидаемых там подкреплений или даже всей турецкой армии, собиравшейся при Бендерах для той же цели. Совет еще не кончился, как в десять часов утра неприятель вышел из крепости в числе 15000 человек. Разделясь на два отряда, они подошли в одно время справа и слева армии; а как главная их сила находилась справа, где стояли донские казаки, то с целью удержать неприятелей против них был отряжен барон Левендаль с пикетами армии и несколькими полевыми орудиями. Огонь был сильный и продолжался около двух часов; но как неприятель лишился большого числа людей, то он принужден был отступить. С обеих сторон убито до 200 человек. Русские не потеряли ни одного офицера.

Когда фельдмаршал Миних собирался в поход, он в то же время отдал князю Трубецкому приказание спуститься с флотом, выстроенным в Брянске, по Днепру, нагрузив суда частью тяжелой артиллерии, боевыми снарядами в большом количестве, провизией и всяким материалом, необходимым при производстве осады. Всего этого армия не могла бы взять с собою, будучи и так обременена огромным обозом. Но по недостатку ли соображения или доброй воли со стороны начальника флот не подошел к устью Днепра в назначенный срок. Князь Трубецкой оправдывался тем, что флот часто был задерживаем противными ветрами и бурями; что на днепровских порогах вода была так мелка, что перевалить через них суда потребовало гораздо больше времени, нежели ожидали. Оттого, пришедши к Очакову, вместо того чтобы найти там флот, фельдмаршал удостоверился, что во всем нужном для ведения осады был недостаток: не было лесу ни для дров, ни для фашинов; не было подножного корма на 8 лье кругом, так как неприятель все выжег, как я уже выше заметил. Лошадей граф решился приказать отвести в тяжелый обоз; всего более затруднял недостаток в лесу и в необходимых для осады материалах, которые должен был привезти флот. Но фельдмаршал полагал, что суда не замедлят подойти, и в этой надежде осада началась.

Удивительно, как мог Миних, при своем уме и дальновидности, вторично поручить такую важную экспедицию князю Трубецкому, который в прошлом году так худо выполнил данное ему поручение, и от лени, чтобы не сказать хуже, был причиною, что от недостатка в продовольствии погибла немалая доля армии. Другому на месте князя Трубецкого пришлось бы дорого поплатиться за такие ошибки, но Миних, который был к нему расположен, выручил его и даже оказывал ему большие услуги. В благодарность за эти благодеяния этот же князь Трубецкой причинил ему много горя.

11-го числа, вечером, откомандированы 5000 землекопов под охраной 5000 солдат для возведения в ночное время пяти редутов и насыпей между лиманом и Черным морем, чтобы они могли впоследствии служить контрвалационными линиями и прикрывать тыл траншеи. Ночь была месячная, к тому же короткая, а земля тверда как камень, так что, несмотря на все усилия войска, не было

возможности отстроить хотя один редут до рассвета. Фельдмаршал желал, чтобы хотя средний редут был окончен, и для этого велел поставить сюда 2000 землекопов; когда же солнце взошло, то земли было раскопано не более как на два фута в глубину. В то же время турки открыли сильный огонь с вала на войска, находившиеся ближе, чем на пушечный выстрел, что заставило фельдмаршала отозвать их обратно в лагерь. Бригадиру Ливену и полковнику Еропкину поручено было наблюдение за двумя редутами на крайнем конце правого крыла близ Черного моря. Они нашли их готовыми с бруствером и рвом; приказав их исправить и окружить рогатками, они разместили тут свою команду. Это были городские сады, которые отделялись друг от друга достаточно глубокими рвами и земляными насыпями. Оба сада или редута, занятые Ливеном и Еропкиным, находились на расстоянии полвыстрела пушечного от города, из чего можно было заключить, что неприятель сделает вылазку с этой стороны. На рассвете подошел сюда генерал Румянцев во главе пикетов правого крыла с несколькими полевыми орудиями; в то же время пикетам остальной армии, гренадерским ротам и казакам дано приказание выстроиться впереди своего лагеря.

12-го числа, в шесть часов утра, передовые посты завязали между собою дело с большою храбростью с обеих сторон. Вся армия стала под ружье: одна половина полков со знаменами вышла по направлению к городу, а другая, под начальством принца Гессенского, осталась в лагере. (Принц Гессенский заболел в тот самый день, когда казаки взяли в плен первых неприятельских солдат, и выздоровел уже по взятии Очакова).

У неприятеля справа, к стороне лимана, находился ретраншемент, или выбитая дорога, в которую засели люди в большом числе, а слева он занял несколько тех садов, о которых я упомянул выше. Здесь он упорно отбивался, но под конец его вытеснили и он скрылся за палисадами. Русские тотчас же заняли эти посты и, под защитою этих же садов, подошли на ружейный выстрел к контрэскарпу. Огонь с обеих сторон продолжался с утра до наступления ночи.

Фельдмаршал приказал подвезти тяжелые орудия и мортиры, как и полевую артиллерию, а когда нашелся удобный сад, то все это было в нем расставлено и не потребовалось устраивать ни батареи, ни платформы. Артиллерия действовала непрерывно; днем в разных пунктах города вспыхивал пожар, но его тотчас гасили.

Ночью принялись за работу в траншее. Хотели по крайней мере устроить сообщение между садами, но твердость почвы противилась успеху. Нужно было бы двое суток времени на поправку парапета и устройство защиты от ядер. По особенному счастью, в этой работе не оказалось надобности. В продолжение всей ночи продолжалась пальба из пушек и мортир. За час до рассвета 13-го числа в середине города показался огонь; бомбами старались помешать, чтоб его не гасили. Это удалось. Пожар распространился и охватил, как ясно было видно, несколько улиц. Фельдмаршал захотел воспользоваться этим. Стоявший с дивизией своей в центре атаки и в ближайшем расстоянии от города генерал Кейт получил приказание подойти к гласису на ружейный

выстрел и открыть непрерывный огонь, чтобы выманить гарнизон на вал, держать его в тревоге и тем помешать ему тушить пожар. Кейт отвечал, что он стоит ближе, чем на ружейный выстрел от гласиса, что у него на теперешнем посту уже много людей побито и ранено ружейными выстрелами с вала. Немного погодя пришло приказание от фельдмаршала поддерживать постоянный ружейный огонь против вала. Кейт повиновался. Не прошло пяти минут, как велено ему выйти из редут и стрелять с открытой местности. Кейт немедленно исполнил приказание, но в то же время представлял, что этот маневр причинит только бесполезную потерю людей.

Едва люди очутились впереди редута, как фельдмаршал снова прислал своего адъютанта сказать, что он, фельдмаршал, да генералы Румянцев и Бирон со своими гвардейцами подвинулись с правым крылом до гласиса, почему он надеется, что и генерал Кейт последует их примеру. Такое же приказание получил и Левендаль, стоявший с левым крылом и артиллерией шагах в 100 позади центра. Он примкнул к Кейту, и оба они направились к городу. Подойдя к гласису, войска наткнулись на первый ров футов в 12 ширины; нельзя было перелезть через него за недостатком всего нужного для штурма и для перехода; тем не менее они простояли тут около двух часов под сильнейшим огнем, не отступая ни на шаг, а беспрестанно отыскивая, где бы можно пройти. Некоторые успели и перелезть через передний ров, но это не могло заставить город сдаться. Наконец, видя, что нельзя ни пройти через передний ров, ни засесть в прикрытом пути, войско обратилось назад в большом замешательстве и возвратилось в сады или редуты, которые оно занимало в прошлую ночь. В то же время несколько сотен турок вышли из города в погоню за отступающими и побили многих, особенно раненых, которые не в силах были поспешно уйти. Если б сераскир и комендант крепости догадались сделать вылазку с гарнизоном, то они разбили бы совершенно русскую армию и заставили бы ее, сняв осаду, возвратиться в Россию.

Фельдмаршал, полагая, что после этой неудачи все потеряно, впал в величайшее уныние, но пожар внутри города дал другой оборот его делам. Пожар сделался общим, а в 9 часов утра взорвало главный пороховой магазин; взрыв не только разрушил часть города, но схоронил в развалинах более 6000 человек. Эта катастрофа навела страх на сераскира и на весь гарнизон. Видя невозможность погасить пожар и во избежание гибели от огня и разрушения остальных жителей, сераскир приказал снять с вала все расставленные в большем числе по валу и на гласисе, по турецкому обычаю, знамена и поднять белый флаг. Вместе с тем он отправил своего баши-чауса, или генерал-адъютанта, к графу Миниху просить перемирия на 24 часа. В просьбе ему отказали, а на место того предлагали сдаться в плен с гарнизоном в час времени, иначе не будет ему никакой пощады. Между тем пришло известие, что гусары и донские казаки проникли в город со стороны моря. Сераскир и часть гарнизона вышли было из крепости, чтобы бежать на галеры и транспортные суда, покуда будут писать капитуляцию, но казаки и гусары кинулись на них, заставили их возвратиться в город и сами последовали за

ними. Затем сераскир послал во второй раз к фельдмаршалу и сдался безусловно, прося только пощадить жизнь, на что и было дано согласие. Отряд гвардейской пехоты тотчас занял одни ворота, а гарнизон был обезоружен и отведен в лагерь. Во время этих распоряжений несколько сотен солдат вошли в город и перекололи много народу. Около 200 человек турок успели добраться до галер и спастись. Но столько же и потонуло в море, куда они бросились в надежде вплавь достигнуть судов, тогда как эти суда, увидав, что город взят, подняли якоря и ушли в море, чтобы дать знать в Константинополе об удаче русских. Посланы были люди для тушения пожара, но с ним не скоро можно было справиться: еще два пороховых магазина взлетели на воздух, убив часть русских, прибежавших на грабеж.

Вот список потерь, которые понесли русские. Убиты на месте: 2 гвардейских капитана, 4 полковника, 2 подполковника, 2 майора, 58 других офицеров и 987 унтер-офицеров и солдат. Ранены: генерал-поручики Кейт и Левендаль; генерал-майоры Хрущев и Аракчеев; бригадиры Ливен и Ганф; 2 капитана, 2 поручика и 2 гвардейских прапорщика, 6 полковников, 2 подполковника, 19 майоров, до 100 офицеров и 2703 унтер-офицеров и солдат. Под фельдмаршалом одна лошадь была убита, другая ранена. У принца Антона-Ульриха, не отстававшего от фельдмаршала ни на шаг, тоже лошадь была убита. Сопровождавший принца подполковник Геймбург был ранен возле него; один из пажей убит, другой ранен.

В плен взято неприятелей: сераскир Яйя, трехбунчужный паша и главнокомандующий войсками, зять последнего великого визиря и бывший при низложенном султани обер-штабмейстером; комендант крепости Мустафа-паша, двухбунчужный; 300 человек высших офицеров и 60 низших; 3174 человека рядовых всех разрядов, как-то: янычар, спаги, босняков и арнаутов; 200 служителей и 1200 женщин и детей; 54 грека, вступивших в гусарский полк, и несколько сотен невольников, которых отпустили на свободу.

Из этого перечисления можно себе представить, как велика была потеря турок в городе, так как один гарнизон состоял из 20 000 человек без обывателей. 20 июля было погребено до 17000 турок, и еще много оставалось зарытыми под развалинами; эти трупы найдены уже гораздо позже. На стенах крепости оказались 82 медные пушки, 6 чугунных, 7 мортир и 1 гаубица.

Взяты 9 бунчуков, 8 жезлов и большое количество превосходного оружия. Знамен насчитали до 300, и добыча войска была очень значительна.

Донские казаки очень отличились под Очаковом. Они добровольно спешились и даже пошли на штурм.

Вот довольно точное изложение взятия Очакова. Осада эта представляет нечто единственное в свете. Нужно было счастье Миниха, чтобы покончить с нею, потому что после сделанных им ошибок он заслуживал, чтобы его разбили и заставили снять осаду. Не удостоверясь ни в положении города, ни в том, каковы были его укрепления, Миних решился штурмовать наилучше укрепленную сторону Очакова без всяких необходимых материалов для засыпки переднего рва, о существовании которого даже не знали до минуты,

когда к нему подошли. Если бы фельдмаршал обошел город и атаковал его со стороны моря, то взять его было бы гораздо легче, потому что с этой стороны он окружен был только одной стеной, местами поврежденной.

Когда фельдмаршал был неприятелем отражен, то он причину этой неудачи хотел свалить на генерала Кейта, сказав принцу Брауншвейгскому в присутствии нескольких генералов, будто Кейт слишком сгоряча начал штурм, отчего он и не удался; но как в неприятельском городе пожар продолжается, то дело еще можно поправить. Эти слова были переданы Кейту. Чрезвычайно оскорбленный обвинением в деле, на которое он пошел против воли, Кейт поручил просить Миниха, чтобы упреков ему не делали, потому что он исполнял только его приказания; он готов даже просить военного суда, перед которым он и обнаружит все ошибки, которые были сделаны с самого начала осады. На другой день Миних пришел навестить Кейта и между прочим сказал: “Мы отчасти вам обязаны, генерал, успехом этого великого предприятия”. Но Кейт, помня сказанное о нем накануне, отвечал: “Извините, граф, я не приписываю себе тут ни малейшей славы, так как я ограничился только исполнением ваших приказаний”.

Еще зимою граф Миних посылал в Очаков кондуктора с поклоном к паше и с поручением попробовать снять план города. Этому человеку турки едва позволяли смотреть в окно своей комнаты; тем не менее, желая угодить графу, он представил ему план шестиугольника, уверяя, что город таким именно образом укреплен. Из плана видно, прав ли он был. А между тем на основании этого донесения, без всякого другого ознакомления, начали осаду.

14 июля в город вступили генерал-майор Бахметев и инженерный полковник Братке во главе 2 драгунских полков, 12 батальонов пехоты и 2000 казаков. Из этого войска два полка назначались к отправлению в Кинбурн с полковником Веделем.

В уверенности, что турки будут пытаться отнять Очаков, русские распорядились снабдить его всем нужным и поставили его в такое положение, которое позволяло долго сопротивляться неприятелю. Туда свезли часть артиллерии и отрядили инженеров наблюдать за работами по укреплению. Гарнизона негде было поместить в совершенно разрушенном городе, и так он расположился лагерем вдоль переднего рва; сейчас же началась работа над ретраншементом, который должен был окружить город с лица, имея справа лиман, а слева Черное море. Но как эта работа должна была долго протянуться, то с каждой стороны устроили два небольших ретраншемента, а потом продолжали работать и над большим, но он никогда не был окончен. Эти линии должны были служить передовыми укреплениями, которые заставили бы неприятеля в случае атаки начать траншейные работы на весьма большом расстоянии. Оконченные верки были так хорошо устроены, что нельзя было опасаться взятия их штурмом.

Армия пробыла еще два дня в лагере под Очаковом, отдыхая после 13-дневных трудов, после чего Миних выступил в поход. Согласно с данными ему инструкциями, он должен был по взятии Очакова идти на Вендоры. Однако

пришло известие, что неприятель выжег луга в той стороне. Кроме того, численность русской армии значительно уменьшилась, так как во время осады потеряно много людей, в Очакове оставлен гарнизон и сверх того было много больных; словом, из рядов ее выбыло от 20 до 24 тысяч человек со времени выступления в поход. Поэтому было решено, не удаляясь от Буга, сделать несколько переходов и контрмаршей, чтобы заставить неприятеля полагать, что идут на него. Но главная цель была – прикрывать Очаков от турок и не допускать их до осады города до тех пор, пока гарнизон не успеет исправить укрепления и не построит домов для жилья на время зимы.

22 июля армия находилась в 60 верстах, или 15 лье от Очакова, близ Буга. К ней присоединился генерал-поручик Леонтьев, который оставался позади с тяжелым обозом и подводами с провизией...

25-го числа генерал Бахметев доносил, что работы в Очакове значительно подвигаются и что туда прибыли запорожские казаки в числе 1500 человек на 38 судах; они проплыли и по Черному морю и посетили острова близ Крымского берега, но не нашли там жителей.

26-го числа армия прошла вверх по реке Бугу около четырех лье и расположилась на отдых в местечке Андреевке, где видны развалины бывшего города. Фельдмаршал приказал выстроить тут укрепление, названное им [во имя] св. Андрея, и назначил тут стоять большей части артиллерии под защитой двух пехотных полков, которыми командовал принц Голштейнский; флот должен был прийти и перевезти артиллерию в Очаков. Так как неприятель выжег кругом все луга, то, за неимением корма, лошади и быки, тащившие артиллерию, ежедневно падали дюжинами.

27-го числа фельдмаршал получил известие, что часть флота под начальством полковника Хрипунова наконец пришла в Очаков. Флот состоял из 14 двойных шлюпок и 70 больших судов, из которых каждое вмещало до 150 тонн. Весь этот флот был нагружен всякого рода припасами, несколькими тысячами бомб, ядрами, гранатами, габионами, топливом и строевым лесом – всем тем, что этот флот должен бы был привезти ко времени осады, а привез только спустя недели две по взятии крепости. Из этого видно, что не следует полагаться на транспорты, идущие водою, особенно по такой реке, как Днепр, где много порогов, через которые нельзя пройти во время мелководья.

Когда армия, следуя вверх по течению Буга, дошла до его притока Чичакля, то фельдмаршалу донесли, что по ту сторону реки есть луга и лесу вдоволь. Это заставило его произвести здесь переправу, хотя в этом месте ширина реки была в 95 туазов, а к западу берег болотистый. 30 июля принялись за постройку моста, а 1 августа первые полки перешли через реку.

Запорожские казаки на своих легких судах произвели новый набег до устья Днестра, отсюда вверх по реке; на пути разграбляли и жгли села и тем подняли тревогу во всей стране вплоть до Бендер. Они возвратились с большою добычею и повторили еще несколько раз эти наезды, но с меньшим успехом, потому что жители успели спасти свое лучшее имущество в Вендорах и внутри страны.

Ночью 7 августа заметили, что неприятель зажег лес и кустарник по ту сторону Буга, по дороге к Бендерам, на расстоянии четырех лье от лагеря. Сначала полагали, что подходят атаковать русских или большой турецкий отряд, или даже вся их армия. Но когда выслали несколько партий казаков, которые проехали далекое расстояние за огнем, не встретив и следа неприятельского, то тревога прекратилась.

После дела с квартирмейстерами не слышно было о неприятеле; армия стала в этом отношении так беспечна, как бы она находилась среди России. На фуражировку ходили без всякого конвоя; некоторые служители уходили за два и за три лье от армии. За то уж и поплатились они. 11 августа партия татар в 1500 человек, переплыв Буг несколько верст выше лагеря, накинулись на фуражиров левого крыла, рассеянных по полю; многих закололи и увели 1000 быков, прежде нежели армия пришла в лагерь. Донские казаки, которые стояли ближе того места, где происходило это дело, вскочили на лошадей и погнались за неприятелем. Последний, вовсе не имевший в виду сражаться, старался только уйти, лишь только он завидел казаков. Главную свою силу татары пустили вперед, вместе с пленными и добычею, а самые храбрые отстали и следовали медленно за другими. Казаки нагнали их, побили сотню, а 20 человек взяли в плен. Потом продолжали погоню за 10 лье (40 верст) от лагеря, до Мертвых Вод, но татары, выиграв время, успели между тем скрыться со своею добычею. После этой неприятной встречи люди стали осторожнее, но и граф Миних, не спускавший офицерам ни малейшей небрежности, приказал строго исследовать, по чьему приказанию фуражиры вышли из лагеря без конвоя. Вся вина пала на командиров полков и на майоров, так что в левом крыле армии не было штаб-офицера, который не подвергся бы наказанию. Многие из них были разжалованы на некоторое время, другие оштрафованы удержанием жалованья за несколько месяцев.

12-го числа фельдмаршал отрядил генерала Румянцева с гвардией, несколькими драгунскими полками и казаками для возвращения в Украину. Под этим конвоем отправлены также все турецкие военнопленные. Назначение отряда было облегчить доставление фуража для армии.

19-го числа прибыл по Днепру под начальством бригадира Бярятинского остальной флот, назначавшийся для осады, а теперь служивший для снабжения Очакова продовольствием. Флот состоял из 48 двойных шлюпок, 4 канчибасов и 57 больших судов, нагруженных боевыми припасами, всяким материалом и продовольствием, с 1878 солдатами и матросами. Оставалось прибыть третьей части флота, почти таких же размеров, под командой контр-адмирала Мамонова. Но он мог поспеть только в половине сентября.

20-го числа армия перешла на другой лагерь, вниз по течению Буга, почти у слияния его с Днепром, где и оставалась несколько дней. Отсюда фельдмаршал в сопровождении принца Брауншвейгского совершил поездку в Очаков, чтобы лично удостовериться, хорошо ли исполнены работы по увеличению укреплений этой крепости и Кинбурна.

Так как граф Миних уже сомневался, что турки примутся за осаду Очакова, а для двора важно было иметь там знающего человека, то он и назначил туда генерал-майора Штофельна; Бахметев же просил его уволить по причине расстроенного здоровья. Штофельн, искавший случая отличиться, с удовольствием принял начальство. Далее увидим, как блистательно он защищался, когда турецкая армия стала осаждать крепость.

По возвращении фельдмаршала армия сделала еще несколько переходов вдоль реки Буг и в последних числах августа начала возвращаться в Украину. Фельдмаршал разделил армию на несколько корпусов, которые, однако, все должны были перейти через Днепр по мосту у Переволочной; там корпуса разделились, и каждый полк пошел своим путем на зимние квартиры. Фельдмаршал избрал для своей главной квартиры Полтаву.

Этот поход принес много чести фельдмаршалу Миниху и содействовал славе русского войска. Но для государства поход мало принес пользы, а для армии он был утомителен и убийствен: она потеряла 11 000 человек регулярного войска и 5000 казаков; вдвое того, можно сказать, погибло денщиков и крестьян, везших подводы. Так как я исчислил все то, что было убито или взято в плен неприятелем, то ясно становится, что значительнейшая потеря произошла от болезней. Что же касается до дезертирства, то в русских войсках это дело почти неизвестно.

[На Азовском море]

9 августа русский флот под начальством контр-адмирала Бредаля имел дело с турецким. Оно происходило следующим образом. Приближаясь к мысу Высокому с флотом во 100 парусов (все – двойные шлюпки) и другими небольшими судами (большие суда не могли пройти в устье Дона по причине отмелей), Бредаль заметил несколько турецких судов, которые шли на тот же мыс. Это заставило его приблизиться к берегу и бросить якорь в удобном месте. Около двух часов пополудни показался и весь оттоманский флот: то были 2 военных корабля, 13 галер и 47 гребных судов; на одном из военных кораблей развивался флаг капитана-паши. Бредаль принял все нужные меры к сильной защите, подвинул все суда как можно ближе к берегу и на берег выгрузил пятнадцать 3-фунтовых пушек и два 12-фунтовых орудия. В пять часов началась обоюдная жаркая канонада, которую турки прекратили в восемь часов, удалившись в море вне выстрелов. Русские суда мало потерпели, так как почти все ядра перелетали через них. На другой день, 10-го числа, в восемь часов утра турки возобновили дело. Корабль с флагом капитана-паши ближе прочих подошел к русскому флоту и открыл сильный огонь. Но и его встретили таким успешным огнем из пушек с канонерских лодок и из тех, которые были расставлены на берегу, что неприятель принужден был отступить в смятении после трехчасового боя. Корабль капитана-паши и несколько других судов были сильно повреждены. Со стороны русских оказалось 30 человек или ранеными, или убитыми. Турецкий флот пробыл в виду русского еще до

полудня 11-го числа, после чего снялся с якоря и вышел в море по восточному направлению. Прошло несколько дней без всякого слуха о неприятеле, тогда Бредаль 20-го числа велел отрядить шлюпку для разведок; она возвратилась с известием, что доходила до реки Берды, не встретив ни одного неприятельского судна. Спустя несколько дней узнали, что турецкий флот проплыл через пролив и удалился в Кафу.

Одним из замечательнейших событий 1737 г. была осада Очакова, предпринятая турками в октябре, но оставленная ими вследствие мужественной обороны генерала Штофельна. Так как во все время похода против русских турки не имели над ними ни малейшего успеха, то они надеялись более успеть осенью, так как армия уже в начале октября переправилась через Днепр и решилась осадить Очаков. Но прежде чем перейду к осаде, надобно мне воротиться к предшествующему времени. При взятии русской армией Очакова я уже говорил, что город представлял одну грудку камней и что гарнизон не нашел себе нигде помещения, отчего с самого начала вступления в город он и занялся всеми необходимыми приготовлениями. Кроме того сказано уже, что Очаков расположен среди пустыни, где не только не найдешь никаких материалов для постройки домов, но даже нет предметов первой необходимости в жизни. Все нужное поэтому должно было доставлять из России с флотилией, однако и тут днепровские пороги и бури часто не позволяли судам дойти до места их назначения, так что сильно терпел гарнизон. А между тем он без устали работал над постройкой домов к зиме и над возведением дополнительных укреплений, а именно линий вокруг крепости, начиная от лимана до Черного моря. К этому прибавились жестокие болезни, причиняемые изнурением от работ, дурной пищей и испарениями от более чем 40000 мертвых тел, включая сюда и павший скот. Из 8000 человек гарнизона в конце сентября насчитывали только 5000, и из этих 1000 составляли больные. Вот каков был состав людей, с помощью которых господа Штофельн и Братке выдержали осаду и заставили турок снять ее.

Неприятель высылал по временам партии людей, державшиеся в отдалении и довольствовавшиеся похищением нескольких голов скота. Таким образом, гарнизон немного терпел беспокойства от неприятеля до 17 октября, когда подошли первые турецкие корабли и бросили якорь на пушечный выстрел от Кинбурна; впрочем, они пробыли тут не более двух часов, опасаясь нападения со стороны стоявшей в очаковской гавани русской флотилии. Они снялись с якоря и были встречены сильною бурей.

19-го числа, около полуночи, сильный турецкий конный отряд подошел к новому редуту, воздвигнутому близ лимана; люди спешили и намеревались застигнуть гарнизон врасплох, но так как они были замечены, то их встретили огнем, чем заставили поспешно удалиться; впрочем, наезд их не пропал даром:

они успели увести около 100 штук быков, выведенных на пастбище впереди линий, вместе с караульными.

24-го числа Штофельн узнал от партии казаков, что неприятель стоит не далее как в десяти лье от Очакова. Он приказал удвоить попечение и привести все в наилучшее состояние для сильнейшего отпора, собрал военный совет из старших офицеров гарнизона, на котором решено было защищаться до крайности, и, наконец, не принимать и не давать пощады.

26-го числа к Очакову подошел неприятельский авангард; ночью крепость обложили с суши, а на другой день, 27-го числа, вся турецкая армия стала лагерем на полтора пушечных выстрела от гласиса. Едва расставили они палатки, как некоторые отряды стали подступать к редуту, другие схватились с казаками, которыми командовал полковник Капнист, но не причинили им никакого вреда, так как полковник держался гласиса и не допускал неприятеля окружить его. Остальная неприятельская армия начала открывать среди дня траншеи, воздвигала укрепления и устраивала батареи, и все это так проворно, что в следующую ночь уже открыли огонь и начали бросать бомбы. Неприятельская армия состояла из 20000 турок и 30000 татар. Начальство над ними имели Иенч-Али-паша, крымский хан Бегли-Гирей и белгородский султан.

28-го числа, на рассвете, Штофельн ввел в город полки, стоявшие вне стен. Ночью турки подошли довольно близко к гласису и разместили несколько тысяч человек между крепостью и новою флешью. В 8 часов утра корпус, состоявший из 6000 человек турецких войск, пошел на атаку линий в двух местах: 1500 из них направились на местность, в которой Смоленский полк начал было постройку своих казарм, а прочие напали на флешь перед Преображенскими воротами. Тогда 400 человек с двумя пушками были выпущены из Кристофельских ворот и направились прямо на тех, которые атаковали казармы. Неприятеля оттеснили, но когда он готов был присоединиться к тем, которые заняты были другой атакой, то гарнизонный отряд преследовал их и там и, ударив на них с тылу и с фланга, заставил неприятеля бежать и покинуть все захваченные было им посты. Их преследовали вплоть до их батарей, взяли у них четыре знамени и два бочонка с порохом; потеряли они свыше 400 человек. В 10 часов турки возобновили нападение, но не подходили ближе ружейного выстрела; покуда ружейный огонь не переставал с обеих сторон, неприятельский отряд окопался в одном из ближайших садов и поместил в нем пушку и мортиру, из них до двух часов ночи он непрерывно громил флешь, от которой был уже отбит.

В тот же день по полученному приказанию в Очаков прибыл полковник Ведель, стоявший с двумя полками в Кинбурне, и привел с собою большую часть своего отряда, а именно 800 человек. Хотя неприятель и появлялся под Кинбурном, однако не предпринял ничего, несмотря на хвастливое уверение крымского хана, будто он приходил с татарами именно затем, чтобы совершенно срыть этот город.

29-го числа неприятель общими силами стал штурмовать Измайловские ворота, под которыми ров был вполовину засыпан обвалами после дождей, и уже проник в прикрытый путь, но его вскоре оттуда отбросили и преследовали за его окопы. Их оттеснили бы и далее, если б не поддержал их резервный отряд. Они потеряли свыше 500 человек да отнято у них три знамени. В тот же день неприятель устроил окончательно свою третью батарею, откуда стал метать большие бомбы и стрелять из пушек 18- и 24-фунтового калибра, тогда как до сих пор у них в деле были только 12-фунтового калибра орудия. Всю ночь неприятель работал на высоте перед Измайловскими воротами над устройством ретраншементов с редутами, а 30-го числа турки заняли их. Огонь не прекращался ни с той, ни с другой стороны; вечером осажденные сделали вылазку по направлению к редутам, вдоль лимана; они выгнали отсюда турок со всех их постов по этой стороне; 150 человек убито, отнято еще 4 знамени и заклепаны шесть орудий. Командовавший отрядом майор Анциферов был убит. Ночью один офицер с 50 солдатами успел пройти незамеченным через неприятельские посты, проник в лагерь и убил несколько человек неприятелей в их палатках; полчаса не произошло ни малейшей тревоги; они стали грабить палатки убитых ими, но тогда только шестеро успели бежать, прочие же все были убиты.

31-го числа огонь продолжался как накануне; одна неприятельская бомба попала на бастион и зажгла два бочонка пороха, отчего несколько людей было убито. К вечеру к редутам приблизились две турецкие галеры и стали их обстреливать. На это им отвечали так, что они принуждены были уйти в море. Во все время, что продолжалась осада, только 14 турецких галер подходили к крепости, но ни одна не успела проникнуть в лиман благодаря кинбурнским пушкам.

1 ноября огонь не ослабевал; одна бомба хотя и упала на бастион близ Кристофельских ворот в стороне лимана, взорвав несколько гранат, но другого вреда не причинила.

2 ноября бомба взорвала на воздух небольшой склад пороха, причем убито три человека. В море показались семь галер и стали у берега под Очаковым, против неприятельского лагеря.

3-го числа осажденные кончили траверсы в большом рву и в крытом пути; сверх того они устроили линию сообщения от Преображенских ворот, также ретраншемент, начиная от каланчи до моря, за который принялись 1-го и 2-го числа.

4-го числа, за два часа до рассвета, со стороны Измайловских ворот разразился сильный пушечный и ружейный огонь, и как только рассвело, 6000 турок с яростью бросились штурмовать редуты, устроенные у моря; после часового сражения они овладели ретраншементом, захватили редуты и проникли до каланчи. Но успех этого был непродолжителен. Штофельн отрядил из города 1000 человек под командой бригадира Братке, которые и отбили турок со всех сторон; их выгнали из ретраншементов и из редут и преследовали вплоть до их лагеря. Смятение в турецкой армии было общее;

были между неприятелем такие, которые уже собирались бежать из лагеря, и только после того как их офицеры убили нескольких трусов, им удалось обратить остальных к их долгу и воротить в лагерь. Этот штурм стоил неприятелю до 2000 человек. У осажденных оказались убитыми только 150 человек, и потеря была бы еще менее, если б 30 человек сгоряча не вздумали, прогнав неприятеля, еще преследовать его, несмотря на запрещение офицеров. Как только турки несколько опомнились, они сейчас всех перебили. Большую услугу оказали в этом деле небольшие мортиры системы Когорн, метаящие 6-фунтовые гранаты.

5-го и 6-го числа неприятель усилил артиллерийский огонь и засыпал город бомбами, но они не могли много вредить, потому что в городе почти не было домов, а весь гарнизон был размещен на стенах крепости в крытом пути и в редутах.

8-го числа, за час до рассвета, неприятель взорвал мины, проведенные им против бастиона Левендаля; но как глубина их была незначительна, то они не нанесли вреда ни палисадам, ни стоявшим позади их войскам. Спустя полтора часа турки произвели фальшивую атаку на редут, устроенный на высоте со стороны лимана, при содействии огня всей их артиллерии. После того внезапно повернули направо, к Измайловским воротам, и с этой стороны пошли на приступ со всею пехотой и 5000 спагов, которые должны были спешиться. Атака произошла с такою яростью, что 300 человек прорвались через палисад и проникли до Измайловских ворот. За ними несколько сот турок перешли через палисад против Кристофельских ворот и, продолжая атаку во рву, достигли водяных ворот.

Однако гарнизон так стойко защищался, что неприятель скоро был отбит и преследуем до его собственного ретраншемента. Потеря их простиралась до 4000 человек. Много способствовал поражению турок взрыв двух мин, подожженных русскими во время штурма с большим успехом: они подорвали многих на воздух; другие, опасаясь той же участи, так струсили, что офицеры не могли помешать их отступлению и бегству. Во время штурма Штофельн командовал в стороне крытого пути, а бригадир Братке и полковник Ведель находились близ водяных ворот. Русские захватили много знамен и четыре бунчука, большое число лестниц, много фашин и разные орудия для копания земли; все это было доставлено в город.

Во время этой осады, и особенно в последнем деле, пики чрезвычайно пригодились русским. Когда неприятель, овладев рвом, атаковал водяные ворота, то полковники Ведель и Ла Тур сделали вылазку из других ворот, пошли колонной на неприятеля, и люди их в этом случае действовали только пиками как единственным орудием, которым можно было оборониться от турецких сабель.

Во весь день неприятель не сделал уже ни одного выстрела и возобновил огонь своих батарей, усилив его только 9-го числа. Среди дня турки нанесли вaproши лестницы и фашины для нового приступа, но спустя три часа по закате солнца неприятель вдруг прекратил пальбу, а потом во многих местах его

лагеря заметили огни. Часть гарнизона отряжена была туда, но здесь никого уже не застали, и с батареей исчезли пушки и мортиры.

На другое утро, 10-го числа, на рассвете выслан был более сильный отряд в избежание какой-либо неожиданной случайности, и весьма скоро подтвердилось, что неприятель поспешно бежал, оставив на месте большое количество бомб, гранат и боевых снарядов, так же как и фашины, лестницы и орудия для копания земли.

Несколько запорожских казаков, выезжавших из своей станицы почти под самые Бендеры, в тот же день прибыли в Очаков с известием, что неприятель в полдень переправился через речку Березовку в 14 верстах, или около 4 французских лье, от Очакова.

11-го числа узнали, что он ушел уже за 10 лье. В тот же день гарнизон очистил ров и окрестности города от мертвых тел. После штурма 8 ноября найдено 3000 неприятельских трупов. Вся осада стоила туркам более 20000 войска, из которых половина умерла от болезни. Много способствовали смертности людей и неудаче предприятия позднее время года и непрерывные дожди.

Когда турки были отбиты на последнем штурме, то 10000 из них отправилось обратно восвояси, невзирая ни на увещания, ни на строгости офицеров, которые некоторым даже отрубили головы; ничем нельзя было воротить их в лагерь к их обязанностям. Оставшиеся громко роптали на то, что их напрасно ведут на гибель, что крепость, подобную Очакову, нельзя взять в позднее время года, особенно когда осажденные защищаются как львы; что они шагу не сделают вперед, чтоб идти на приступ. Такие речи заставили сераскира снять осаду: он опасался лишиться всего своего войска и многочисленной артиллерии, если бы он стал упорствовать и оставаться еще несколько дней.

Потеря гарнизона превышала 2000 человек – половину того числа, которое он составлял в день обложения крепости; он был увеличен 800 человек, приведенными Веделем из Кинбурна, а в день снятия неприятелем осады в городе не насчитывали 2000 здоровых людей.

С первого дня осады до снятия ее весь гарнизон был размещен на стенах, в крытом пути и в редутах, где он оставался беспрерывно день и ночь, и едва доставало людей для занятия всех постов. Подобные по необходимости труды порождали болезни, а так как сверх того многого недоставало в крепости для обыкновенного продовольствия, то люди наконец были до того изнурены, что едва держались на ногах; несмотря на все это, они превосходно исполняли свои обязанности, не ропща, и во все время осады Очакова оказались только два дезертира.

Фельдмаршал Миних весьма беспокоился во все время осады; правда, он принял все зависящие от него меры предосторожности для отражения неприятеля, но на успех надеяться он не мог, зная жалкое положение гарнизона. Как скоро он узнал, что крепость обложена, он распорядился послать туда помощь. Генерал-поручику Леонтьеву было поручено идти с корпусом в 10000 человек; кроме того, несколько полков посажены на суда для отплытия вниз по

Днепру; последние перевалили уже через пороги, как пришло известие, что турки удалились. Радость о том была тем живее, чем менее того ожидали.

Императрица осталась весьма довольна образом действия генерала Штофельна. Она не удовольствовалась производством его в генерал-поручики, а бригадира Братке — в генерал-майоры. Первому она пожаловала еще значительные поместья в Украине, а всему гарнизону выдано в награду жалованье за несколько месяцев.

Стоявший под Очаковом флот, в котором считалось до 100 парусов, большею частью двойные шлюпки, также немало способствовал к снятию осады; он не только не допустил турок блокировать крепость с моря, но и поддерживал огонь осажденных. Турецкий командир флота был обезглавлен за то, что он, в противность приказанию атаковать и разбить русский флот, не сделал этого.

Я сомневаюсь, чтобы на свете было другое войско, которое, подобно русскому, в состоянии было бы или решилось бы терпеливо выносить такие же непомерные труды, какие перенесены русскими в Очакове. Это усиливает во мне давнишнее убеждение, что русские способны все выполнить и все предпринять, когда у них хорошие руководители. Но им нужно большое число иностранных офицеров, так как солдаты больше доверяют им, нежели своим собственным.

Фрагменты мемуаров Х.-Г. Манштейна воспроизведены по источнику:

Перевороты и войны / Христофор-Герман Манштейн, Бурхард-Христофор Миних, Эрнст Миних, Неизвестный автор. - М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. - 576 с.

Манштейн Х.-Г. Штурм і оборона Очакова у 1737 році. (Із „Записок про Росію генерала Манштейна”).

Враховуючи змістовну спрямованість даного журнального випуску редакція вважає за доцільне відтворити фрагмент з мемуарів Христофора-Германа Манштейна, безпосереднього учасника російсько-турецької війни 1736-39 років, в 1739 році – ад'ютанта фельдмаршала Мініха. В тексті розповідається про штурм і оборону міста Очакова, а також про допоміжну роль Дніпровської і Азовської флотилій, залишки якої у наш час досліджуються Інститутом підводних досліджень.

Ключові слова: російсько-турецька війна 1736-39 років, штурм Очакова, Христофор-Герман Манштейн, Бурхард Крістоф Мініх.

Manshteyn H.G. The assault and defensive of Ochakov in 1737. (From “Notes about Russia by general Manshteyn”).

Taking into account the content bent of the given magazine issue the editors consider it to be reasonable to reproduce a fragment from the memoirs of Christopher-Herman Manshteyn, the direct participant of Russian-Turkish war of 1736-39, in 1739 – adjutant of the field marshal Minih. The text tells about the assault and defensive of Ochakov, as well as about the auxiliary role of the Dnieper and Azov flotillas, which remains nowadays are explored by the Institute of submarine researches.

Keywords: *Russian-Turkish war of 1736-39, assault of Ochakov, Christopher-Herman Manshteyn, Burhard Kristof Minih.*